

советского блока. Уход со "сцены истории" мировой социалистической системы позволил рыночной экономике стать универсальной формой организации хозяйственной жизни в глобальном масштабе. Сегодня глобализация превращает национальные экономики в сегменты единой мирохозяйственной системы, живущей по законам рынка.

Решающим фактором — политическим, экономическим, психологическим, который обеспечил новое качество всем компонентам вектора глобализации — стал распад Советского Союза, так что начало глобализации нужно отнести именно к этой дате. Если бы СССР и социалистический лагерь сохранились до сих пор, технологическое развитие и рыночные факторы все равно способствовали нарастанию процессов интеграции, но качественного перехода при этом не произошло бы. Убедительным примером, в силу своей экстремальности, подтверждающим этот тезис, служит современная Северная Корея. Попробуйте туда хотя бы отправить e-mail!

Таким образом, начиная с 1991 г., каждый из процессов глобализации — информация, производство и рынок — приобретает новое качество. При этом их одновременная и совместная реализация дает новый системный, кумулятивный эффект, которого не было ранее, что и позволяет считать 1991 год "началом координат" для многомерного вектора глобализации.

¹ См., например: "Глобальная альтернатива": Интернет-журнал при Институте проблем глобализации // www.aglob.ru.

² Делягин М. Мы можем не только выжить, но и извлечь из процесса стратегическую выгоду // <http://2002.novayagazeta.ru>.

³ Макаров В. Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской Академии наук. 2003. Т. 73, № 5. С. 450–456.

⁴ Клайн Л. Глобализация: вызов национальным экономикам // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 6. С. 44–49.

⁵ Сорос Дж. О глобализации. М., 2002. С. 18.

С. В. Резник, В. П. Римский

**КОНЦЕПТЫ ДЖИХАДА И ПРАКТИКА ТЕРРОРА
ИСЛАМСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ МИРУ МОДЕРНА И ГЛОБАЛИЗМА**

Рассматривая культурно-исторические смыслы концептов джихада и практики террора в современном исламе, закономерно

поставить вопросы: не является ли современное столкновение мира ислама с "американским империализмом" на самом деле столкновением мира традиционализма и мира модернизма, как ранее в случае с нашей, российской, революцией 1917 г.? Применимы ли парадигмы "модерна" к исламу? Способен ли ислам приспособиться к условиям, предъявленным современными реалиями? Какие методы использует ислам в своем противодействии натиску модернистской глобализации?

В настоящее время, перешагнув порог XXI столетия, можно сказать, что исламский мир по-прежнему как консолидированный субъект международной политики существует скорее только виртуально. Ряд причин социально-экономического, политического и религиозного характера привел к наличию *альтернативных проектов исламского мира*.

Традиционалистский проект характеризуется тем, что его сторонники (их еще иногда называют ортодоксами) выступают против каких-либо реформ ислама, за сохранение ислама таким, каким он сложился в эпоху традиционализма – "домодернистских" социально-экономических, политических и культурных институтов и представлений. Они предлагают возвратиться именно к указанному состоянию ислама, противодействуя при этом каким-либо переменам – как в религиозной сфере, так и в общественной жизни.

Феномен традиционалистского ислама связан, во-первых, с включением в VII–XI вв. в состав арабского халифата множества этносов, а во-вторых, с последовавшим затем его распадом на более гомогенные в этнокультурном отношении государства, в каждом из которых ислам приобретал специфический оттенок, характерный образу жизни конкретного мусульманского этноса. Народы с иными культурными традициями, включившись в духовную жизнь мусульманского мира, привнесли в ислам свои религиозно-этнические представления, правовые нормы, обычаи. Шел диалектический процесс взаимовлияния "официального" и "народного" ислама. Современные традиционалисты уже не так строго придерживаются ультраконсервативного традиционализма и подчас сближаются с модернизаторами в толковании священных текстов, они готовы жить в мире и согласии со всеми и способны сотрудничать с властями, представляющими самые разнообразные политические системы и режимы.

Следующей проективной тенденцией в современном исламе выступает *модернизм*, который определяется тем, что его сторонники (их еще называют *реформаторами*) стремятся реформиро-

вать, приспособить мусульманскую догматику к нуждам современного развития и модернизации, отбрасывая или замалчивая одни положения и развивая другие. Они настаивают на возможности синтеза ислама с современными западными либеральными (ранее – и социалистическими) ценностями и институтами. Реформаторы акцентируют внимание на пересмотре онтологических посылок, подкрепляющих фатализм ислама, видя свою задачу в обосновании признания за человеком свободы воли. У реформаторов речь идет не об изменении основоположений веры, а о приспособлении богословско-юридических норм к меняющимся условиям жизни мусульманской общины.

Но самым доминирующим из современных проектов является *исламский фундаментализм*. Религиозный фундаментализм – тенденция, выражающая отрицательную реакцию консервативных религиозных кругов XIX–XX вв. (прежде всего христианских) на секуляризацию, эмансипацию науки, культуры и общественной жизни от религии, что стало причиной маргинализации последней. Он апеллировал к абсолютному авторитету божественного откровения, выраженного в Священном Писании (Библия или Коран) или в иных канонических религиозных текстах (законоположения шариата). Иными словами, религиозный фундаментализм предлагает “веру помимо интерпретации”, что на практике приводит к требованию принять идеологическую позицию его лидеров в качестве единственно верной. Соответственно, религиозный фундаментализм выступает против плюрализма мнений и толерантности, которые, с его точки зрения, неизбежно ведут к духовному релятивизму, т.е. к допущению равноправия многих истин даже в пределах одной религиозной традиции.

Вторжение новейших технологий в традиционный уклад ряда восточных стран порождает страх в связи с разрушением привычных устоев жизни людей. Так началась фундаменталистски обоснованная социально-религиозная революция Хомейни. Если говорить о классических фундаменталистских организациях, то они выступают за “очищение” ислама как такового и обвиняют в продажности и сервиллизме официальных мусульманских служителей культа. Фундаменталисты призывают к созданию идеального (фактически утопического) мусульманского общества. Как идеология, фундаментализм способен активизировать иррациональные, архетипические силы истории. Следовательно, фундаментализм есть попытка “втиснуть” культурное развитие в лоно мифа. “Возрожденчество” или “фундаментализм” – своеобразная реакция *отторжения модернизации*, ориентирован-

ной на западные модели (понятие "модерн" включает "настаивание" на настоящем, своего рода отклонение или девальвация того, что было давно, "во времена предков", активная нейтрализация и дисквалификация традиции, прошлого, уклонение от традиции).

В трактовке концепции "джихада" представителями исламской радикальной мысли (Сейид Кутб, Мухаммед Бен Хусейн Ад-Дарийя, Усама бен Мухаммед бен Ладен) слились воедино и концепция идеологической агрессии, и пропаганда ислама всеми средствами, и мир, ожидающий исламскую панацею от всех бед и забот, и враги из прошлого и настоящего, и оправдание гонки вооружений. В таком контексте "джихад" становится удобной концепцией мобилизации общества под зеленым знаменем ислама.

Характерными чертами идеологии исламского фундаментализма являются: опора на Коран при буквальном его понимании; отрицание инокультурных законов и стандартов; идея дихотомии мира, полярности добра и зла ("кто не с нами – тот против нас"); обоснование необходимости захвата власти и установления теократического режима; хакимийя (приоритет теократии) и тотальный характер ислама; возможность насильственных методов в делах веры и т.п. Идеология фундаменталистов носит ярко выраженную антизападную и антиглобалистскую направленность и характеризует данное течение в исламе как потенциально радикалистское.

Важным вопросом является определение соотношения между традиционализмом, модернизмом, фундаментализмом и проектом исламского радикализма (исламизма). На сегодняшний день в науке сложились два полярных подхода к указанной взаимосвязи. Первый заключается в утверждении, что радикалы ислам просто используют, исламом прикрываются, маскируются, не имея при этом никакого отношения к нему. Второй подход, в противоположность первому, напротив, сознательно формирует образ ислама как религии насилия и вражды, утверждая о наличии эндогенных оснований радикализма в исламе.

На наш взгляд, исламский радикализм как философское и социально-политическое явление существует в двух основных формах: как идеологическая доктрина и как основанная на этой доктрине социально-политическая практика. Следовательно, когда говорят об "исламском радикализме", речь идет о реализации проекта по созданию политических условий для применения исключительно исламских (шариатских) норм общественной

жизни во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Именно поэтому исламу называют *политическим исламом* или *политизированным исламом*. Вместе с тем исламский радикализм представляет собой лишь крайнюю, *маргинальную* (часто весьма агрессивную) часть всех течений в рамках политического ислама.

Анализ идеологии и политической практики представителей самого крайнего, *деструктивного* исламистского радикализма – религиозно-сектантского, *террористического проекта* в исламе – наиболее репрезентативно вести на примере ваххабитов на Северном Кавказе и движения Талибан в Афганистане.

На фоне столкновения мира модерна и традиционализма и происходит борьба между ортодоксальным исламом и сектантскими (религиозно-террористическими) движениями. В последней четверти XX в. конфликтующие общественные системы обнаружили, что рядом с ними и во многом по их вине возникло “параллельное пространство”, в котором находится могущественная и чудовищная по своим обычаям *антисистема*, действующая в “виртуальном времени”. Соперничающие государства оказались перед лицом угрозы со стороны негосударственных – *теневых, маргинальных и сетевых* – структур, которые обладают едва ли не большими возможностями (хотя бы потому, что меньше связаны этическими и правовыми ограничениями). В начале XXI столетия международный терроризм превратился во влиятельнейшую *виртуальную мировую державу*, не имеющую ни единого “официального” центра, ни правительства, но оттого еще более опасную.

Исследование показывает, что культурно-идеологические архетипы и парадигмы исламского террора уходят в глубь времен, как в практику религиозных сект (иудео-манихейских, гностико-христианских и параисламских), так и в наработки светского терроризма, в том числе либерально-европейского (якобинцы) и европейско-социалистического (русские народники и социалисты). Террор как форма насилия, к которой часто прибегают исламские сектанты при решении разногласий с другими направлениями в исламе и в борьбе с “неисламским” миром, является широко распространенной практикой в рамках “*шахада*” – мученической смерти за веру в борьбе против неверных. Последнее обстоятельство позволило говорить о появлении *нового проекта*, реализующегося в пространстве ислама – сектантского религиозно-террористического.

Для своего религиозного обоснования международный религиозно-террористический экстремизм “бенладеновского”, *вирту-*

ального типа обращается к концепции джихада, представляя, таким образом, свою террористическую деятельность не столько как одно из основных и наиболее действенных средств достижения заявленных политических целей, но как форму служения Аллаху и личного спасения (в религиозном понимании).

Для ваххабизма характерны: крайний фанатизм в вопросах веры и экстремизм в практике борьбы со своими религиозными оппонентами и политическими противниками. Чуть ли не все мусульмане за пределами ваххабитских общин рассматриваются как многобожники и вероотступники, с которыми следует поступать соответственно их грехопадению. Серьезным богословским источником экстремизма является так называемый принцип "насх" (принцип отмены) – отмена прежде ниспосланных божественных откровений – который, естественно, не признается в отношении самого исламизма.

Характерными особенностями идеологии деструктивного исламского сектантства являются: обращение к концепции джихада и признание его шестым и основным столпом веры; представление террористической деятельности как формы служения Аллаху и личного спасения (в религиозном понимании); обращение к принципу такфир (обвинение в неверии) в полемике с другими исламскими конфессиями. Это придает идеологии исламского сектантства не только антизападную направленность, но несет в себе антисистемную опасность для исламской цивилизации и ислама как культуросозидающей религии.

Таким образом, изложенное выше позволяет говорить о том, что ислам как *культурно-идеологическая система* исторически сформировался и продолжает функционировать в борьбе идей и мнений, находится в состоянии поисков дальнейшего пути развития. Исламский мир не является единым в характере отношений с внешним миром, который определяется борьбой *четырех проектов: либерального (модернизаторского), джихадистского (антиглобалистского и антизападного фундаментализма), террористического (религиозно-сектантского) проектов, реализующихся на фоне традиционалистского (традиционного ислама) проекта, являющегося оправданием сложившегося статус-кво.* Исход борьбы между различными исламскими проектами важен как для судеб исламского мира, так и для мирового сообщества в целом.